

160
127

559
40

ПСИХОЛОГІЯ ЧУВСТВОВАНІЙ.

5 ⁵⁹/₇₂
ПСИХОЛОГІЯ

ЧУВСТВОВАНІЙ

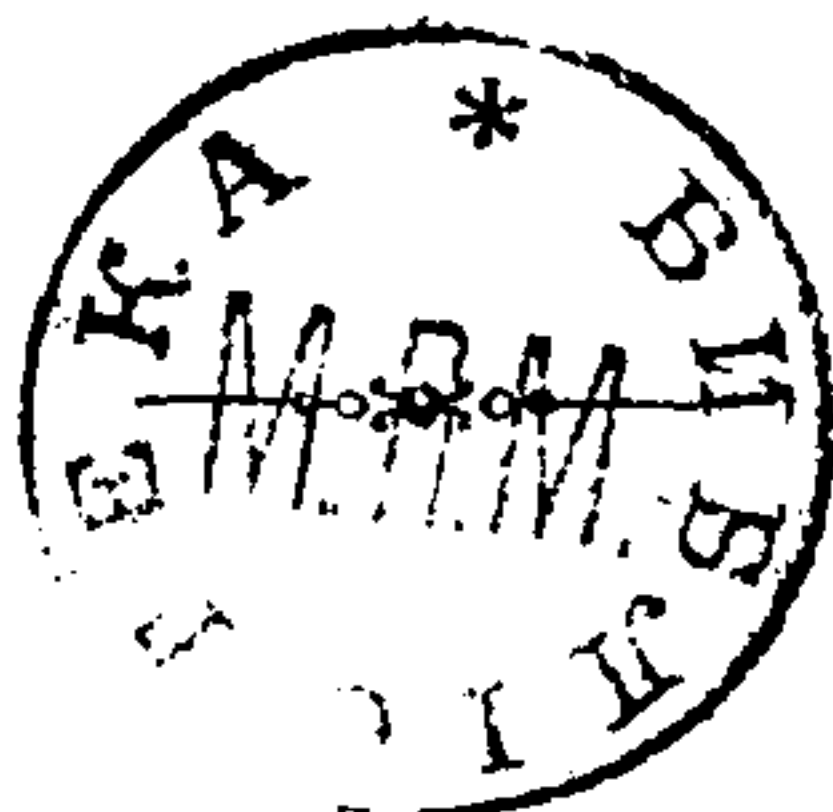
ВЪ ЕЯ ИСТОРІИ И ГЛАВНЫХЪ ОСНОВАХЪ.

31 12
ИЗСЛѢДОВАНИЕ

НИКОЛАЯ ЕРОТА.

- I. Исторія анализа и синтеза чувствованій.
II. Основы анализа и синтеза чувствованій.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лив., № 12.)

1879—1880.

Печатано по опредѣленію Конференції Историко-Филологическаго института
князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

2007051256

ДОРОГИМЪ РОДИТЕЛЯМЪ МОИМЪ

ЯКОВУ КАРЛОВИЧУ ГРОТУ

И

НАТАЛЬѢ ПЕТРОВНѢ ГРОТѢ

ВЪ ЗНАКЪ

НЕИЗМѢННОЙ ЛЮБВИ и ГЛУБОКОЙ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ.

ИСТОРІЯ

АНАЛИЗА И СИНТЕЗА ЧУВСТВОВАНИЙ

ВЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПСИХОЛОГІИ, СО ВРЕМЕНИ ЕЯ ВОЗНИКНОВЕНІЯ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Каждая наука имѣетъ свою исторію. Литература исторіи науки независима отъ литературы самой науки. Исторія психологіи, слѣдовательно, должна имѣть самостоятельную литературу. Къ сожалѣнію, послѣдняя еще весьма бѣдна. Уже въ древнее время, по почину Аристотеля, возникъ обычай въ психологическихъ трактатахъ излагать ученія предшественниковъ. Этотъ обычай перешелъ потомъ къ отцамъ церкви и къ схоластическимъ писателямъ, а отъ нихъ и къ писателямъ новаго времени. Но до конца прошлаго вѣка историческое изложеніе рѣдко отдѣлялось отъ теоретическаго анализа, а въ историко-философскихъ трудахъ психологическіе взгляды органически связывались съ прочими философскими ученіями тѣхъ же писателей. Настоящая литература исторіи психологіи начала возникать только въ нынѣшнемъ вѣкѣ.

По объему предмета, всѣ сочиненія по исторіи психологіи можно раздѣлить на четыре разряда: 1) сочиненія, относящіяся къ исторіи психологіи вообще; трудъ Фр. Авг. Каруса (Gesch. d. Psychol., Leipz. 1808) былъ однимъ изъ первыхъ въ этомъ родѣ; послѣднюю работу представляетъ сочиненіе Гармса (Die Philos. in ihrer Gesch., I. Psychologie, Berl. 1878); въ промежуткѣ достаточно назвать обширный, хотя и не слишкомъ основательный, трудъ Блэкея (Hist. of the Philos. of Human Mind, Lond. 1850. 4 vol.);

2) сочиненія, относящіяся къ исторіи психологіи въ отдѣльныя эпохи и у отдѣльныхъ народовъ; напр. трудъ Штёкля, обнимающій древній и средне-вѣковой періоды (*Die Specul. Lehre v. Menschen u. ihre Geschichte*, Würzb. 1858 — 59. 2 B.), монографіи Дитерици по психологіи и антропологіи у Арабовъ, новѣйшія работы Рибо по исторіи современной англійской и германской психологіи, сочиненія по библейской психологіи, по психологіи Евреевъ (Якобсонъ) и т. д.; 3) изложенія психологическихъ системъ или теорій отдѣльныхъ лицъ; этотъ отдѣлъ сравнительно самый богатый; особенно много монографій существуетъ по психологіи Аристотеля, Платона и Канта; но есть работы, касающіяся и другихъ древнихъ и новыхъ психологовъ, какъ напр. Демокрита, Плотина, Григорія Нисскаго, Тетенса и пр.; 4) работы по исторіи развитія отдѣльныхъ психологическихъ вопросовъ; специальныхъ сочиненій этого рода весьма немного, но часто можно встрѣчать краткіе очерки по исторіи отдѣльныхъ вопросовъ при теоретическомъ ихъ разборѣ: въ монографіяхъ, въ общихъ трудахъ по психологіи, въ статьяхъ о нихъ, помѣщенныхъ въ философскихъ и энциклопедическихъ словаряхъ и т. д.

Нашъ историческій анализъ относится къ четвертому разряду работъ; но при составленіи его мы отчасти руководились указаніями сочиненій по всѣмъ четыремъ разрядамъ. Подробное ихъ перечисленіе мы считаемъ излишнимъ, такъ какъ мы вездѣ на нихъ ссылаемся, когда является возможность извлечь изъ нихъ какую-нибудь пользу. Поэтому мы ограничимся указаніями на самыя важныя работы четвертаго разряда, относящіяся специально къ исторіи ученій о чувствованіяхъ. Совершенно удовлетворительнаго и полного труда по этому предмету не существуетъ. Всего подробнѣе исторія нашего вопроса разобрана: у Вильёма изъ болѣе древнихъ монографовъ (*Villaume. Vom Vergnügen*, Tübing. 1788. I Th. p. 1—119)¹⁾, у Гамильтона изъ новыхъ (*W. Hamilton, Lectures on Metaphysics*, vol. II. L. XLIII, p. 444—476 въ изд. 1877 г.) и у Дюмона изъ новѣйшихъ (*L. Dumont. Théorie scient. de la sensib.*, Paris. 1875, p. 26—63). Болѣе краткіе историческіе очерки можно найти у Фолькмана (*Lehrb. d. Psychol.* Cöthen, 1876, II B., p. 291 — 301) и у Вундта (*Grundz. d. physiol. Psychol.*, Leipz. 1874, p. 458—463). Разрозненныхъ историческихъ указаній много у Булье (*Du plaisir et de la douleur*, Paris. 1877) и отчасти у Горвица (*Psychologische Analysen*, II Th. 2 H. Magdeb. 1878, особ. p. 31 — 32). По исторіи вопроса въ отдѣльныя эпохи всего обстоятельнѣе монографіи Покорнаго (*J. Pokorny, Z. Gesch. d. Lehre v. d. Gefühlen*, v.

¹⁾ Статью Рейнхольда *Ueber die bisherigen Begriffe d. Vergnügungen*, мы не могли достать.

Wolff bis Hegel. Jglau. 1863, u. Die Hauptpuncte d. Lehre v. d. Gefühlen bei Herbart u. seiner Schule. Znaim. 1867)¹⁾. Специально по исторіи классификаціи чувствованій укажемъ только на очеркъ Бэна (The Emot. a. the Will, 3 ed. Lond. 1875. Append. B., p. 591—604). Отдѣльныя историческія замѣтки разбросаны впрочемъ въ бѣльшей части монографіи о чувствованіяхъ, не говоря о многихъ трудахъ по психологіи и по исторіи философіи. Мы будемъ всегда ссылаться на тѣ изъ нихъ, которыми пользовались.

Во всѣхъ названныхъ нами историческихъ монографіяхъ есть существенные недостатки. Въ однихъ—неполнота, въ другихъ—односторонность, и почти во всѣхъ смѣшеніе различныхъ точекъ зрѣнія. Отъ этого конечно происходитъ то, что въ мнѣніяхъ отдѣльныхъ писателей о числѣ основныхъ теорій, имѣющихъ задачею объясненіе удовольствія и страданія, а равно и въ формулахъ, употребляемыхъ ими для опредѣленія этихъ теорій, господствуютъ явныя противорѣчія и полное несогласіе (ср. Hamilton, l. c., p. 445, Dumont, p. 25, Wundt, l. c., p. 458, Horwicz, p. 301)²⁾. Однихъ этихъ противорѣчій достаточно, конечно, чтобы убѣдиться, что исторія нашего вопроса представляетъ еще область совершенно неразработанную. Неразработанность эта болѣе всего объясняется трудностью дѣла. Горвичъ справедливо указываетъ на то, что матеріаломъ для подобной исторіи, если хотѣть разработать её вполне основательно, мало считать одни психологическія сочиненія. Вся этика и частью богословная догматика должны быть приняты въ расчетъ историкомъ, не говоря о другихъ вѣтвяхъ знанія, въ которыхъ ученіе о чувствованіяхъ играло видную роль. Историческое изложеніе такихъ обширныхъ размѣровъ предполагаетъ конечно изслѣдованія, которыя не подъ силу одному человѣку (ср. Horwicz, l. c., Vorwort, p. VII). Мы тоже конечно должны отказаться отъ такой идеальной-полной разработки вопроса, но полагаемъ однако, что и въ болѣе краткомъ анализѣ можно отчасти избѣгнуть упомянутыхъ выше недостатковъ, если вѣрно раздѣлить задачу и правильно понять ходъ развитія, какъ психологіи вообще, такъ и даннаго вопроса въ частности. Достигли-ли мы такого правильнаго пониманія, не намъ судить, но мы во всякомъ случаѣ старались объ этомъ.

Прежде всего надо раздѣлить задачу. Въ историческомъ изложеніи ученій о чувствованіяхъ необходимо имѣть въ виду по крайней мѣрѣ три

¹⁾ Есть даже монографіи о теоріяхъ чувствованій у отд. писателей (напр. Morgott, die Theorie d. Gefühle im System d. heilig. Thomas. 1864; Heinze, Stoicorum de affectibus doctrina. Berl. 1860 и т. д.)

²⁾ Гамильтонъ признаетъ двѣ коренныя точки зрѣнія, Вундтъ—три, Горвичъ—четыре, Дюмонъ—пять.

раздѣльные вопроса: 1) вопросъ объ отношеніи чувствованій къ другимъ явленіямъ въ системахъ различныхъ психологовъ и психологическихъ школъ; 2) вопросъ о самыхъ теоріяхъ, стремящихся объяснить явленія удовольствія и страданія, и въ 3) вопросъ о различныхъ способахъ классификаціи чувствованій. Первый вопросъ общій, второй и третій—частные, спеціальные. Первый вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ самъ по себѣ: взгляды на отношенія чувствованій къ другимъ явленіямъ всегда зависѣли отъ характера общей классификаціи послѣднихъ и ею опредѣлялись. Поэтому въ первой, общей, части историческаго отдѣла мы рассмотримъ «Исторію классификаціи психическихъ явленій вообще и, въ частности, воззрѣній на отношенія чувствованій къ прочимъ феноменамъ психической жизни». Во второй, спеціальной, части мы разберемъ: «Исторію ученій объ удовольствіи и страданіи вообще и, въ частности, способовъ классификаціи чувствованій». О болѣе спеціальному дробленію анализа въ той и другой части мы не будемъ теперь говорить. Замѣтимъ только, что мы избираемъ хронологическій порядокъ изложенія, какъ самый естественный, и дѣленіе анализа на главы будетъ равносильно дѣленію развитія вопроса на эпохи. Начнемъ мы свой разборъ съ самаго зарожденія психологіи у Грековъ, чтобъ прослѣдить развитіе изучаемыхъ идей въ сознаніи всей цѣпи народовъ, совокупными усиліями которыхъ создано органически-связное прошлое современной психологіи.

Главная задача историческаго отдѣла будетъ заключаться конечно во второй части. Въ этой второй части мы будемъ, по мѣрѣ силъ, останавливаться на ученіяхъ всѣхъ тѣхъ писателей, которые сдѣлали сколько-нибудь важные вклады въ науку о чувствованіяхъ. Но, чтобъ знать, у какихъ именно писателей слѣдуетъ искать стѣнущихъ вниманія теорій, надо прослѣдить предварительно весь процессъ развитія сознанія о самостоятельномъ значеніи чувствованій, рядомъ съ другими психическими явленіями. Такую именно задачу и имѣетъ первая часть. Задача эта въ извѣстномъ смыслѣ отрицательная, такъ какъ мы пройдемъ множество эпохъ съ тѣмъ только, чтобъ убѣдиться, что въ эти эпохи существовали серіозныя препятствія для правильной постановки нашего вопроса. Но такъ какъ мы держимся убѣжденія, что и въ отрицательныхъ положеніяхъ своихъ всякій историческій анализъ долженъ опираться на факты, то мы рѣшились нисколько не сокращать изложенія подъ-часъ мелочныхъ и повторяющихся подробностей. Гдѣ дѣло идетъ о фактахъ, тамъ лучше излишекъ, чѣмъ недостатокъ. Притомъ такой приѣмъ изложенія избавитъ зато другихъ работниковъ въ той же области отъ тѣхъ безплодныхъ исканій, которыя тормозили нашъ трудъ. Отъ сокращенія первой части насъ удержало еще и то соображеніе, что психологическая литература всѣхъ странъ, не говоря уже о русской, весьма бѣдна

историческими вкладами. Мы лично впрочемъ убѣждены, что нашъ историческій отдѣлъ во всѣхъ частяхъ своихъ весьма далекъ отъ настоящей полноты изложенія. Хорошій знатокъ исторіи психологіи легко замѣтитъ множество весьма важныхъ пробѣловъ и многіе очерки найдетъ слишкомъ поверхностными. Но бѣльшей полноты мы не могли достигнуть, какъ по недостатку времени и мѣста, такъ и по невозможности достать яныя пособія и источники; много мѣшала намъ конечно и самая неразработанность всей исторіи психологіи: объ ученіяхъ нѣкоторыхъ писателей, при неимѣніи подлинныхъ сочиненій, мы не могли найти даже самыхъ ничтожныхъ намековъ въ многочисленныхъ историческихъ пособіяхъ, которыя у насъ были подъ руками. Надѣемся, что наши преемники въ изученіи того-же вопроса будутъ имѣть возможность исправить всѣ эти невольные промахи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Исторія классификаціи психическихъ феноменовъ и взглядовъ на отношеніе чувствованій (и аффектовъ) къ прочимъ явленіямъ психической жизни.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Древній періодъ.

Чѣмъ древнѣе научныя теоріи, тѣмъ менѣе онѣ обнаруживаютъ раздѣльности по отношенію къ рѣшаемымъ ими задачамъ. Эта мысль оправдывается и въ области психологіи. Чѣмъ далѣе мы углубляемся въ древность, тѣмъ труднѣе мы можемъ разграничить ученія, касающіяся классификаціи психическихъ явленій, отъ теорій, относящихся къ самой природѣ духовнаго начала. Сознанія раздѣльности этихъ двухъ задачъ не было до Аристотеля. Это доказываетъ всего лучше Платоновское дѣленіе души на части, которое является первой отчетливой попыткой классификаціи и представляетъ однако же по преимуществу теорію природы духовнаго начала, или вѣрнѣе духовныхъ началъ. Аристотель первый создалъ понятіе *свойствъ, состояній* (ἕξεις, πάθη) души и этимъ самымъ отдѣлилъ вопросъ о классификаціи этихъ свойствъ отъ вопроса о природѣ ихъ субстрата. Но къ этимъ писателямъ мы еще воротимся. Интересно знать прежде всего, въ какомъ положеніи находился разбираемый вопросъ въ досократовскій періодъ философіи. Судить объ этомъ, конечно, можно только предположительно, въ виду крайней скудости источниковъ.

Несомнѣнно, что главныя психологическія понятія, которыя легли въ основу Платоновской и Аристотельской классификаціи, образовались еще въ до-историческую эпоху развитія греческой мысли. Этихъ основныхъ понятій было три: душа, какъ жизненный принципъ, принципъ растительныхъ функцій организма; душа, какъ страстное начало, объединяющее идеи чувственности

и стремленія; душа, какъ познающее и мыслящее начало¹⁾. Всѣ эти понятія не были вновь созданы первыми греческими философами, а возникли ранѣе, какъ плодъ народной наблюдательности. Это доказывается существованіемъ уже въ народномъ языкѣ, въ народной греческой литературѣ терминовъ, ясно выражающихъ эти понятія. Эти термины 1) ψυχή, отъ ψύχω, дышу,—дыханіе²⁾, потомъ вся совокупность функцій, составляющихъ непремѣнное условіе жизни, наконецъ принципъ этихъ функцій, принципъ жизни вообще — жизненное начало; 2) θυμός, вѣроятно отъθύω, (Curtius, Griech. Etym. 1873, § 320), сильно двигаюсь, бушую, свирѣпствую, волнуюсь, — оживляющее, бодрое начало въ человѣкѣ, потомъ принципъ страстности, волненія вообще; 3) νοῦς, νόος, отъ γινώσκειν, γινω (Curtius, ib., § 135), одного корня съ глаголомъ γιγνώσκω, познаю, испытываю, — вѣроятно сначала мысль, мнѣніе, потомъ принципъ мышленія, познанія. Эти понятія встрѣчаются въ упомянутыхъ значеніяхъ у Гомера,—стало быть они составляли уже народное достояніе въ эпоху героическую. Да и не одни эти понятія встрѣчаются у Гомера. Не говоря о многихъ другихъ, понятія ἦτορ, καρδίη и φρήν какъ бы составляютъ статическій коррелятъ упомянутыхъ динамическихъ идей. ἦτορ, первоначально *легкое*, повидимому главнымъ образомъ представляется органомъ жизненнаго начала, ψυχῆς (ψύχω, дышу); καρδίη, *сердце* (καρδ, schwingen, zucken, Curtius, ib., § 39) считалось, кажется, органомъ чувствъ, стремленій, страсти (ср. κῆρ), соотвѣтствуя понятію θυμός; наконецъ φρήν, *грудобрюшная преграда*, praecordia, органъ силы, потомъ умственной силы, сознанія, мыслительной способности (Insbes. als Sitz des bewussten oder geistigen Lebens, d. h. Geisteskraft, Bewusstsein, Besinnung. Seiler, Wörterb. 1872. p. 616), соотвѣтствовало понятію νοῦς (φρεσὶ νοεῖν, ἐνὶ φρεσὶ γινώσκειν)³⁾. Правильны-ли, или нѣтъ, эти сопоставленія, можетъ рѣшить только филологъ,—несомнѣнно все-таки, что въ народной греческой фантазіи уже было стремленіе не только различить, но и локализовать такъ или иначе душевныя функціи. Это вполне понятно, если обратить вниманіе на вѣроятное происхожденіе упомянутыхъ идей о душѣ. Понятіе души, какъ жизненнаго начала, принципа дыханія, должно было неизбежно возникнуть весьма скоро за появленіемъ первыхъ формъ общественной жизни — быта семейнаго и стаднаго, ибо какъ скоро грубый эгоизмъ далъ мѣсто первымъ

¹⁾ Ср. Volkmann, Lehrbuch d. Psychologie, Cöthen, 1875, I, § 9.

²⁾ Къ производству этого слова Платономъ въ Кратилѣ (400, В.) отъ выраженія φύσιν ἔχει (φυσέχει—ψυχή) конечно нельзя относиться иначе, какъ къ шуткѣ. О родствѣ этого понятія съ подобными понятіями въ другихъ языкахъ ср. Horwicz, Psychol. Analysen, Halle, 1872, p. 2.

³⁾ По поводу этихъ сопоставленій ср. Seiler, къ словамъ ἦτορ, καρδίη, φρήν.

проблескамъ альтруистическаго интереса, явилось вниманіе и къ событію *смерти*, наблюденіе надъ которымъ вѣроятно породило понятіе жизненнаго принципа, покидающаго человѣка съ послѣднимъ вздохомъ его и, стало быть, связаннаго съ процессомъ дыханія. Не замедлила явиться точно также, съ развитіемъ общественной жизни, и идея страстнаго начала: отъ народной наблюдательности не могъ ускользнуть контрастъ состояній душевнаго спокойствія и душевнаго волненія, выражающагося въ гнѣвѣ, страхѣ, любви, ревности, и другихъ аффектахъ, играющихъ роль такихъ мощныхъ двигателей въ быту древняго человѣка; склонность неразвитаго ума всѣ замѣченныя явленія сейчасъ-же обобщать въ понятіи особой силы, особаго дѣятеля, съ болѣе или менѣе мистическимъ характеромъ, и подала поводъ къ происхожденію новаго понятія *δυμός*. Наконецъ и понятіе *νοῦς*, въ виду инстинктивной склонности первобытнаго человѣка поклоняться всему непонятному и благоговѣть предъ неизвѣстными *причинами* непонятныхъ феноменовъ, должно было возникнуть уже въ ту пору, когда отдѣльныя личности первобытной общины стали выдвигаться впередъ своими дарованіями и, достигая степеней вождей и руководителей, превратились для народнаго воображенія въ конкретные символы высшаго разумѣнія и высшей нравственной энергіи; надо было конечно и этимъ фактамъ найти *raison d'être*, обобщить ихъ въ понятіи особаго дѣятеля, и вотъ явилась новая душевная сила, *νοῦς*.

Но одно дѣло было построить нѣсколько независимыхъ по содержанію понятій, другое дѣло — замѣтить ихъ общую основу и опредѣлить ихъ взаимныя отношенія. Въ первобытную эпоху познавательная дѣятельность имѣетъ коллективный характеръ: каждое понятіе создается не лицомъ, единицей, а цѣлой группою единицъ, народной массой. При такомъ безличномъ происхожденіи знаній, въ нихъ не можетъ быть единства: отдѣльныя идеи, хотя бы и одного порядка, остаются разобщенными; притомъ въ силу той-же безличности, нѣтъ однообразія и въ самомъ толкованіи понятій: вездѣ господствуетъ элементъ субъективный, вездѣ отгѣнки въ толкованіи, а отсюда смѣшеніе однородныхъ понятій, — употребленіе одного въ значеніи другого, какъ скоро утратилось сознаніе первоначальныхъ мотивовъ, повліявшихъ на этимологическій строй терминовъ. Эта неясность, сбивчивость отражается и у Гомера: понятіе *δυμός* употребляется въ значеніи *ψυχή* (*δυμόν ἀποπνεΐειν*) и въ значеніи начала мысли, воли (*ἔπος ἔμπεισε θυμῷ*); понятіе *νοῦς* въ значеніи *δυμός* (*χαίρειν νόῳ*); также сбивчиво употребленіе понятій *ἦτορ*, *καρδίη* и *φρήν*, въ отношеніи другъ къ другу и къ упомянутымъ выше идеямъ. Предстояло устранить всѣ эти неясности, разсѣять туманъ въ народныхъ психологическихъ представленіяхъ. Задачу эту могли выполнить

во всемъ ся объемъ только тѣ мыслители, для которыхъ внутренній міръ человека сталъ особымъ объектомъ изученія, въ умѣ которыхъ духовная жизнь выдѣлилась изъ общаго хаоса міровой жизни, безразлично духовной и физической, объективной и субъективной. Сократъ, какъ извѣстно, первый поставилъ науку о человекѣ вполне самостоятельно. Но однако уже и въ досократовскій періодъ греческой философіи были мыслители, пытавшіеся понять отношенія и свойства духовныхъ отправленій человека¹⁾. Поэтому съ нашей точки зрѣнія представителей этого періода можно раздѣлить на двѣ группы. Одни исключительно сосредоточились на изслѣдованіи общихъ основъ сущаго и только какъ-бы случайно, мимоходомъ, касались вопроса о природѣ и свойствахъ человека, представлявшагося для нихъ далеко не самымъ важнымъ звеномъ творенія или проявленіемъ общаго начала, — къ этой группѣ относятся, повидимому, такъ называемые Ионическіе и Элейскіе философы. Другіе, изучая міръ, считали человека однимъ изъ важнѣйшихъ продуктовъ мірового процесса и, съ болѣе и болѣе возрастающимъ интересомъ, стремились проникнуть въ его природу и опредѣлить его отправленія, — это Велико-греческіе философы (Пифагорейцы и Эмпедоклъ) и Атомисты (Анаксагоръ и Демокритъ). Психологическія изреченія мыслителей первой группы, насколько они намъ извѣстны изъ Аристотеля, Стобея и другихъ важнѣйшихъ источниковъ этого времени, отличаются такимъ отрывочнымъ характеромъ и такъ мало имѣютъ цѣннаго содержанія, что о нихъ не стоитъ и распространяться. Дѣло ограничивалось чаще всего только замѣчаніями о матеріальномъ составѣ души, при чемъ душа опредѣлялась обыкновенно по аналогіи съ общимъ міровымъ началомъ²⁾, и понятія отдѣльных функций сливались въ одно туманное цѣлое. Мыслители второй группы имѣютъ, напротивъ, нѣкоторыя заслуги передъ психологіей, ибо своими, хотя и наивными, теоріями душевныхъ отправленій, они во всякомъ случаѣ приковали интересъ своихъ преемниковъ къ изученію внутренней жизни человека и были, такимъ образомъ, косвенными виновниками дальнѣйшихъ успѣховъ психологіи. Къ несчастью, извѣстія, дошедшія до насъ объ этой эпохѣ, недостаточны для вполне правильной оцѣнки заслугъ этихъ лицъ. Для рѣшенія нашего вопроса о количествѣ и отношеніяхъ основныхъ единицъ психической жизни, они, повидимому, сдѣлали мало. Всего болѣе интересовался этимъ вопросомъ, кажется, **Пифагоръ**, и можно думать, что дѣленіе души на три части, передаваемое Діогеномъ Лаэртіемъ³⁾, принадлежало

¹⁾ Ср. мнѣніе Бука (S. A. Buck) о Демокритѣ. Die Vorsokrat. Philos. d. Griech. 2 Th. Lpz. 1877, p. 167.

²⁾ Ср. Stob., Ecl. phys., Cap. 41 (περὶ ψυχῆς).

³⁾ Περὶ βίων etc., Πυθαγόρας. VIII, 30.

дѣйствительно ему, а не одному изъ позднѣйшихъ Пифагорейцевъ, напр. Архиту¹⁾. Во первыхъ, основатель нравственной секты нуждался въ теоріи душевныхъ отправленій; во вторыхъ Стобей приписываетъ Архиту нѣсколько иную классификацію, сходную скорѣе съ Платоновскою²⁾. Согласно съ упомянутымъ мѣстомъ Діогена Лаэртія, Пифагоръ признавалъ три раздѣльные душевныя силы — умъ, разумокъ и страстное начало (νοῦς, φρένες и θυμός), которыя объединялъ въ общемъ понятіи ψυχή, лишенномъ уже первоначальнаго исключительнаго значенія жизненной силы³⁾. Эти части души Пифагоръ локализовалъ по органамъ тѣла, дѣлилъ на высшія и низшія силы⁴⁾, и приписывалъ имъ различную судьбу послѣ смерти организма. Пифагоръ, стало быть, стоялъ уже значительно выше грубыхъ и сбивчивыхъ народныхъ представленій. Однако мы ничего не знаемъ о томъ, какое содержаніе въ подробностяхъ онъ признавалъ за упомянутыми тремя понятіями и, стало быть, не можемъ ничего отвѣчать на вопросъ, какъ онъ понималъ отношеніе *чувствованій* къ другимъ психическимъ феноменамъ. По всей вѣроятности въ понятіи θυμός идея чувствованій сливалась у него съ идеею стремленій, какъ и у позднѣйшихъ греческихъ мыслителей. Остальные философы досократовскаго періода и во главѣ ихъ **Эмпедоклѣ, Анаксагорѣ и Демокритѣ**, несмотря на несомнѣнныя заслуги ихъ передъ психологіей, сдѣлали еще меньше въ области разбираемаго нами вопроса. Все ихъ вниманіе было сосредоточено на спеціальномъ анализѣ одного психическаго процесса, ощущеній, при чемъ каждый изъ нихъ пытался создать свою самостоятельную теорію⁵⁾; къ вопросу же объ основныхъ категоріяхъ душевныхъ явленій они были, повидимому, болѣе или менѣе, равнодушны. Ихъ задача состояла скорѣе въ объединеніи всѣхъ психическихъ феноменовъ въ одномъ понятіи познающаго начала (φρόνησις Эмпедокла, νοῦς Анаксагора, γνῶσις Демокрита), чѣмъ въ различеніи разнородныхъ отправленій. Эмпе-

¹⁾ Такъ думаетъ Fr. A. Carus, *Gesch. d. Psychol.*, p. 181. Другого мнѣнія держится Н. Ritter, *Gesch. d. Pythag. Philos.*, Hamb. 1826, p. 222 и 223, ср. его *Gesch. d. Philos.*, Hamb. 1836, I. p. 448. Zeller, видя въ этомъ ученіи слѣды Платоновскаго вліянія, тоже приписываетъ его, подобно Карусу, позднѣйшимъ Пифагорейцамъ, *Die Philos. d. Griechen*, 2 Aufl. III. 2, p. 76. Но отчего нельзя предположить обратнаго вліянія Пифагора на Платона, онъ не говоритъ.

²⁾ *Eclog. Phys.*, Cap. 41, 34 (878): Οἱ δὲ περὶ Πλάτωνα καὶ Ἀρχύτας καὶ οἱ λοιποὶ πυθαγόρειοι τὴν ψυχὴν τριμερῇ ἀποφαίνονται, διαιροῦντες εἰς λογισμὸν καὶ θυμὸν καὶ ἐπιθυμίαν. Впрочемъ Плутархъ (*De plac. phil.* IV. 4) приписываетъ это самое дѣленіе Пифагору.

³⁾ διαφέρειν τε ψυχὴν ζωῆς. *Diog. L.*, I. c., 28.

⁴⁾ Въ этомъ смыслѣ душа διττὴν ζωὴν ζῇ, καὶ αὐτὴν τε καὶ μετὰ τοῦ σώματος. *Stob.*, I. c., 33 (874), ср. *Cic. Tusc.* IV. 5.

⁵⁾ Ср. *Theophr.*, *De sensu et sensibil.* 1, 7—11 (Эмпедоклѣ), 27—31 (Анаксагорѣ), 49—50 (Демокритѣ, ср. *Mullach.*, *Fragm.* 359—365). Ср. Аристотель, *De sensu*.